

17. Romanova A. P., Jakushenkov S. N., Jakushenkova O. S. «Gljazhus' v tebjja, kak v zerkalo, do golovokruzhenija...», ili protoobrazy tela chuzhogo v rossijskom diskurse. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2011. № 1.
18. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii. M. 2002.
19. Sartr Zh.-P. Osnovnaja ideja fenomenologii Gusserlja – intencion-al'nost'. Problemy ontologii v sovremennoj burzhuaznoj fi-losofii. Riga. 1988.
20. Jakushenkov S. N. Jevoljucija obraza Chuzhogo na primere evropejskogo diskursa o vampirah (O bednom vampire zamolvim my slovo). Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2012. № 3.

НАУЧНАЯ ЭЛИТА И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

В современном мире роль науки и ученых возросла настолько, что они уже начинают играть заметную самостоятельную роль в политике и бизнесе, гораздо большую, чем та, которая была им отведена в предшествующие столетия. Бытие человека в современном мире все больше усиливает его зависимость от науки и ученого сообщества. Наука стала тем глобальным трендом, который определяет общий вектор развития современной цивилизации. И с ростом этого влияния растет и авторитет, и значимость самой научной элиты, которая всё чаще становится объектом научно-философского анализа, особенно в части ее трансформации в *меритократию*. При этом усиливается роль элитного образования как самого главного канала рекрутирования научного кадрового состава. Принципиальное отличие этого элитарного образования – в его либеральном (открытом) меритократическом характере. Главным продуктом такого элитарного образования становится не воспроизводства политической или финансовой элит, а сознание научных кадров высочайшего уровня. Переход к постиндустриализму означает возникновение новой аксиологической системы и прежде всего изменение в системе иерархических ценностей. Новая иерархия будет утрачивать олигархические ценности, одновременно набирая и усиливая меритократические черты. На наших глазах эпоха «восстания масс» уступает место уже начавшемуся процессу «восстания элит», сопровождавшийся компьютерной и коммуникационной революциями.

Ключевые слова: наука, научное сообщество, личность, научная элита, научный лидер, меритократия, элитарная культура, элитарное образование, элитное знание, иерархия, персонализм, Идея, постиндустриализм, глобализм

THE SCIENTIFIC ELITE AND THE HIERARCHICAL PRINCIPLES OF MODERN TIME

Karabushenko Paul L., Doctor of Philosophy, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev 20a, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

In the modern world the role of science and scientists has increased so much that they are starting to play a prominent and much important independent role in politics and business, much larger than the one that was assigned to them in the previous century. Being human in the modern world is increasingly amplified its dependence on science and the scientific community. Science has become the global trend, which determines the overall direction of development of modern civi-

lization. And with the growth of the growing influence and authority, and the importance of the scientific elite, which is increasingly becoming the subject of scientific and philosophical analysis, especially in terms of its transformation into a *meritocracy*. This strengthens the role of elite education as the most important channel of recruitment of scientific personnel. The principal difference between this elite education – in its liberal (open) meritocratic nature. The main product of the elite education is not the reproduction of political and financial elites, and the consciousness of the scientific staff of the highest level. The transition to post-industrialism meant the emergence of a new axiological system and above all a change in the hierarchy of values. The new hierarchy will lose oligarchic values simultaneously gaining and strengthening meritocratic features. We are witnessing the era of "the revolt of the masses" is giving way to begin the process of "revolt of the elites", accompanied by computer and communications revolutions.

Keywords: science, the scientific community, identity, scientific elite, scientific leader, meritocracy, elitist culture, elitist education, elite knowledge, hierarchy, personalism, idea, post-industrialism, globalism

Тема элиты и её элитности является вечной темой, поскольку затрагивает фундаментальные основы нашего бытия. Они являются узловыми пунктами иерархии сущего, по которым мы можем судить о всей этой системе. При этом элита и, следовательно, элитология оказываются темой, у которой нет дна. Она бесконечна в силу того, что сами элиты (особенно научные и культурные) находятся на острие общественного духовного развития и отвечают за стратегию и качество антропогенеза. Поскольку тема элиты и её элитного раскрываются поэтапно, их научное познание не имеет ограничений ни во времени, ни по содержанию постоянно открывающегося нового знания.

Каждое историческое время ставит перед человечеством свои конкретные вопросы и заставляет решать новые задачи. Не является исключением и наше время. Мы живем в переходную эпоху, в эпоху фундаментальных перемен. Наступающий постиндустриализм своими новыми ценностями оказывает существенное давление на современную цивилизацию не только посредством глобализации, но и своими передовыми научными разработками. Именно последнее заставляет нас говорить о возрастании роли научной элиты, выходящей на первое место, там, где раньше находилась политическая элита. В начале XXI в. мы стали свидетелями процесса постепенной передачи власти от элиты богатства (олигархии) элите знаний (меритократии). Об этой смене парадигм говорилось ещё в теории постиндустриализма (M. Young, D. Bell, A. Toffler), которая ныне пользуется признанием во всем мире. [См.: 1; 10; 11] Во многом данной трансформации способствует процесс «восстания элит» (Ch. Lasch), который сменяет в истории период «восстания масс» (J. Ortega y Gasset). [9] Оба эти процесса специфичны и во многом противоположны друг другу. В нашем случае мы склонны оценивать «восстание элит», как процесс восстановления ими своего исходного элитного качества, утраченного в ходе «восстания масс». В этом «ренессансе» важную роль играет элитное (качественное) образование и культура. В настоящей работе мы намерены рассмотреть особенности развития современной научной элиты, как своего рода боевого авангарда «восстания элит».

В качестве *объекта* настоящего исследования выступает научная элита, а *предметом* – её поэтапная трансформация в меритократию («элисту знаний»). Поэтому мы ставим перед собою *задачу* показать особенности развития элитологического знания, в такой сфере как элитология науки. В настоящее время научные элиты принимают активное участие в социокультурных и бизнес проектах. Ученые выступают в качестве экспертов по многим общественно значимым вопросам. Экстраполируя эту тенденцию, предположим усиление ее влияния и на политику. В качестве общей гипотезы нашей работы

выдвинем тезис о том, что *давление науки на экономику и политику будет всё возрастать, приводя к мутации социальной среды и, в конечном счете, к установлению меритократического миропорядка.*

Для достижения поставленных целей, в работе были использованы методы диалектического и логического анализа (Platon, Aristotle, G.W.F. Hegel), принципы герменевтики (W. Dilthey, H.-G. Gadamer, Г.Г. Шпет), философской и политической компаративистики (Ф.И. Щербатский, G.A. Almond), а также использованы принципы синергетики (I. Prigogine) и конфликтологии (R. Dahrendorf). Набор этих средств позволит нам адекватно оценить проявление тенденции меритократии и глобализации в современном мире. Помимо этого в работе использован и принцип персонализма (N.A. Berdyaev, J. Lacroix и др.), который позволяет открыть доступ в мир элитной личности, сделав её для нас более узнаваемой и понятной, особенно в анализе процесса ее творческой деятельности. Именно творчество, по нашему мнению, и является центральной темой в элитологическом изучении научной элиты.

Научная элита как особый род элитности. Известно, что как комплексная наука элитология занимается изучением не только элиты (формы), но так же и элитности (содержания) и самого процесса развития (перехода) второго (содержания) в первое (форму). Научная элита по форме может уступать политической, но обязательно должна превосходить её по содержанию. Под элитностью элитология понимает те качества, из которых складываются отличительные достоинства личности, дающие ей право на избранный статус (общественное признание). Понятно, что все учеными быть не могут по определению. На это в свое время указывал еще Платон (*Государство*, 494а). Научная деятельность сама по себе уже является избранной сферой, требующей максимальной концентрации творчества и полной самоотдачи. Платон называл таких людей «философами», Конфуций – «благородными мужами». Именно они являются носителями стратегически значимого знания, делающего их меритократией.

Общепризнано, что от XX в. нам досталась традиция активного использования научных разработок в военной сфере. Военные заказы (т.н. «оборонка») были и остаются своего рода локомотивом развития передовой научной мысли. Политические элиты активно используют научные достижения в своих целях, тем самым разрывая единство научного сообщества, необходимостью защиты своих национальных интересов и сохранения во имя этого «государственной тайны». Пример академика А.Д. Сахарова самое известное подтверждение этого милитаристического вектора научного развития XX столетия. Так, что же такое научная элита? Священный заповедник эзотерического знания? Тайный клуб египетских жрецов? Или вольное сообщество интеллектуалов-альтруистов?

Прежде всего, научная элита – это сообщество передовых ученых ведомых выдающимися научными личностями. С точки зрения профессионализма научная элита это не только те, кто в совершенстве владеет стратегическим научным знанием, но и те, кто активно производит принципиально новое знание, востребованное обществом в качестве значимой ценности. Для нас, очевидно, что научная элита – это особый мир: особый (профессиональный) язык, особое (эзотерическое) знание, особый (интеллектуальный) круг общения, особая (изысканная) культура, наконец, это специальное (профессиональное) образование. А самое главное научная элита профессионально работает по самой максимальной планке оценки – она всегда предъявляет к себе самой максимально завышенные требования. Поэтому элиту составляют те, кто предъявляет себе этот максимум и реализует его на практике. Именно это и делает таких персон элитными, а их сообщества – элитой.

Поскольку научная элита есть сообщество выдающихся личностей, то наш анализ её сущности предполагает обращение к персоналистической фи-

лософии. Представители такой элиты являются носителями не только отборного (элитного) знания, но и элитного (высокого) образования и такой же культуры. Личность в научной элите играет исключительную роль. Поэтому мы в праве сказать, что научная элита – это культ состоявшихся и самодостаточных личностей. Каждая из таких личностей как минимум профессионал в своей области, а максимум – двигатель в процессе производства нового актуального научного знания.

При этом стоит отметить, что сам термин «научная элита» часто употребляется весьма некорректно, в рекламных целях и носит весьма размытый смысловой характер. Более того, имеется попытка выдать желаемое за действительное. Конъюнктурность и формализм создают вокруг этой элиты нездоровую атмосферу – «шумиху», имитацию и профанацию. Многие сомнительные научные достижения носят спекулятивный характер, а получаемые престижные награды за мнимые научные достижения, больше дискредитируют науку и ученых, чем придают им общественную значимость. Так в 2007 г. Нобелевскую премию мира за работу по защите окружающей среды и исследований проблем изменения климата получил бывший вице-президент США (1993 – 2001) А. Гор. Известный метеоролог Уильям Грей охарактеризовал теорию, за которую Гор получил премию, как «смехотворную», [2] носящую исключительно спекулятивный характер. Подобные истории дискредитируют не только научное сообщество, но и сам Нобелевский комитет, экспертная оценка которого всегда в прошлом считалась одной из самых высоких и объективных.

Очевидно, что научную элиту составляют те, кто имеет высшие показатели в науке. Ещё В. Парето утверждал, что тем, кто имеет «высший показатель в своей области деятельности, мы даем название элиты» [10, vol. 2, p. 530]. Но из исторического опыта мы знаем, что принадлежность к элите может быть как формальной, так и реальной. В первом случае в элиту попадают благодаря своему статусу, во втором – в силу своих личных качеств (достоинств). Отбор в научную элиту ведется преимущественно по второму каналу селекции. Поэтому конкурентная борьба здесь носит преимущественно интеллектуальный, а не статусный характер.

Но научная элита это ещё и специально организованное творческое меньшинство, созданное и функционирующее как на принципах добровольной организации, так и административного управления. Любая организация предполагает деление по своей иерархической вертикали на элиту и массу. На это ещё указывал один из классиков теорий элит Р. Михельс, по мнению которого «организация — это мать господства избранных над избирающими, уполномоченных над дающими полномочия, делегированных над делегирующими» [7, S.384]. Научная элита представляет собою лиц, которые занимают в этой иерархии наивысшие позиции.

В своей теории меритократии К. Мангейм полагал, что «элита» есть «иерархия, основанная на собственных достижениях» – в отличие от «класса», принадлежность к которому определяется происхождением. К элите человек может присоединиться исключительно благодаря индивидуальным усилиям, проявив таланты в сфере своей профессиональной деятельности. Однако, привилегии рождения сохраняются и в условиях современной демократии, когда действуют одновременно факторы происхождения, собственности и личного успеха. [6, P.193] В научной элите фактор личного достоинства стоит на первом месте. Именно особой иерархией знания научная элита и отличается от всего остального научного сообщества. Причем иерархия достигается за счет концентрации стратегического новейшего знания (эти идеи должны быть не просто передовыми, но и саморазвивающимися).

Типология научной элиты. Типологию научной элиты можно проводить сразу по нескольким основаниям. Прежде всего, следует особо указать, что

выявление научной элиты происходит не в социальной сфере, а в информационно-когнитивной, в плоскости научных результатов и знания. При этом выделяют два типа такой элиты, характеризующих науку как социальный институт: 1) «*элита творчества*» (подлинные творцы научных ценностей) и 2) *административно-управленческая элита* (менеджмент наукой как организованного профессионального сообщества). Последняя оценивается как «обслуга» первой (хотя и занимает начальствующее по отношению к ней положение), поскольку напрямую не занимается производством научных ценностей.

Помимо этого в структуре научной элиты необходимо также выделять три уровня: мега-, макро- и микро. 1) *Меганаучная элита* – весь цвет (*anthologia*) научных деятелей прошлого, внесшие значительный вклад в развитии науки; их вклад в науку составляют ядро современной научной картины мира. 2) *Макронаучная элита* – ныне действующее научное сообщество, представляющее всю науку в целом; цвет современной научной мысли (сообщество лидеров); представленное авторитетными учеными и официальным высшим руководством научных организаций. Однако, не все представители этой элиты попадают и становятся историческим достоянием науки. 3) *Микронаучная элита* – ведущие специалисты отраслевых наук, разработчики передовых научных технологий; известные, авторитетные лица, вносящие существенный вклад в развитии научного знания. Они представляют собой передовую и активную периферию научной мысли.

К типологии научной элиты можно применить так же и возрастные характеристики. На этом основании действующую элиту науки можно условно подразделить на три возрастные части: 1) «*ареопаг*» – старшее поколение ученых, достигших мирового признания (члены академий, почетные ученые, в свое время много сделавшие для науки); 2) «*мастера*» – творческая элита (ученые от 30 до 60 лет); 3) «*подмастерья*» – предэлита (молодые ученые: студенты и аспиранты). Эти группы – научный актив, представленный самыми перспективными субъектами научного сообщества.

Помимо этого возможна также типология научных элит на основе характера культивируемого знания, т.е. на тех, кто придерживаются традиционного научного знания («*схоласты*») и тех, кто ратует за инновационное развитие («*новаторы*»). Последняя типология отличается повышенной динамичностью, поскольку ученые могут в зависимости от ситуации стоять то на одних, то на других позициях. Наконец, есть признанные научные гении (например, А. Эйнштейн) и не признанные (те, о которых мы никогда ничего не узнаем).

Предложенная типологизация лишь отчасти описывает многообразие научной элиты, выявляя сложнейшие этапы ее развития. Специфика реальности научной элиты порождает свою особую иерархию ценностей. Её аксиология отличается от аксиологии политической элиты тем, что ставит научную истину выше интересов государства. Научная элита занята производством новых духовных и материальных ценностей, в то время как политическая борется за право ими распоряжаться. Таким образом, у научной элиты изымается право распоряжаться в интересах всего человечества плодами своего труда.

Наука как мир идей. В элитологии принято считать, что «материю» элиты является иерархия. Если политические элиты – это узаконенная правом иерархия, то научные элиты – это бесконечный процесс доказательства ценности защищаемой ими Истины, которая и определяет свою и их научную иерархию. В мире Идей действуют свои законы и правила. Есть просто идеи, и есть Идеи с большой буквы. Поэтому мир Идей тоже может быть подразделен по линии «элита – массы», поскольку в нем тоже есть своя иерархия ценностей.

По существу наука это явленный нам мир Идей Платона. Это мир, в котором правит Истина, а главной ценностью являются научные знания. Именно поэтому вмешательство в этот мир политики крайне нежелательно. Еще Т. Гоббс заметил, что если бы геометрические аксиомы противоречили «чье-

му-либо праву на власть или интересам тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии». [14, с.133] С теологической точки зрения искоренение лжи и заблуждения и торжество Истины есть исправление несовершенства нашего мира и восстановление догреховного состояния человека. Истина есть базовый критерий мира Идей. Именно Истины как раз и не хватает нашему миру. Чем больше в нашей жизни Истины, тем больше она соответствует нормам науки.

Известно, что наука имеет тенденцию к расширению («платонизации», от греческого «широкий»): только в XX в. величина научного знания и количественный состав ученых росли в геометрической прогрессии. Платон утверждал, что любовь к идее (Эрос) является главной побудительной причиной духовного восхождения (элитизации). Именно за счет элитизации и происходит платонизация научного пространства. То, что мы называем передовым, всегда возникает как элитное и по мере своего расширения (омассовления), становится общедоступным и общепринятым. При этом, чем ярче идея, тем больше в ней проявляется Истина.

Мир идей воплощается в ученых, которые являются их носителями. И вся сила ученых заключается в их передовых идеях. И каждый такой ученый есть вещь в себе («things in itself»). Это особый потаенный мир. Неповторимая духовная сущность. Неповторимость такой личности зависит от объема и качества обладаемого ею знания. Знание есть ответственность; незнание является проявлением слабости и ограниченности. Научная элита из жизни повседневности делает новую землю и новое небо. Научную элиту составляют те, кто всю жизнь прожил с наукой, в науке и для науки, и не утратил к ней интереса. Кому скучно с наукой, тот не ученый. Такие ученые должны своими делами доказать красоту и истинность идей. Этими людьми движут идеи, они ими живут, они сами живут в них.

Создавая научные идеи, ученый выражает в них самого себя. Ученый таков, какова его наука. Есть ученые, которых наука определяет и направляет, а есть такие, кто сам определяет развитие науки. Ясно, что научная деятельность требует особой организации ума. У Платона мы находим подробное описание структуры такого сознания (*Государство*, 484b) Оно может быть применимо и к современному научному сообществу, что говорит о ее универсальности.

Идеи живут вполне самостоятельной жизнью. Есть Идеи, которые меняют мир и человека, и есть идеи, которые постоянно меняются самими человеком (как например, политическая идеология). В этом перекрестном «духовном опылении» человек и мир Идей составляют нерасторжимое единое целое. Мир идей превосходит отдельно взятого человека. Как писал Ж. Лакруа, «подлинная Идея – это мысль самого Бога. Поэтому Идея превосходит нас не только как нечто господствующее над нами и принуждающее нас, но и как не поддающаяся разгадке, окутывающая нас тайна». [4] Для всего общества ученый этот тот, кто владеет тайнами науки, которые оказываются непостижимыми для обыденного сознания.

В генезисе Идеи мы можем выделить три иерархических уровня: абсолютные, фундаментальные и частные. 1) Абсолютная Идея – уже оформившиеся на 100 % Идеи, ставшие достоянием центрального теоретического ядра в научной картине мира; 2) Идеи добившиеся признания научного сообщества – оформившиеся примерно на 3/4 (75 %) и ставшие фундаментальными допущениями, и 3) находящиеся в процессе становления (набравшие 50 % своей оформленности), принявшие форму частных теоретических моделей (ещё дорабатываются или уже разрушаются).

Иерархия научного знания. Перед научной элитой стоит главный идеал – достичь возможный в ее силах предел совершенства научного знания. Это-

му идеалу подчинена вся ее профессиональная деятельность. Но на этот счет не должно быть никаких иллюзий. Иллюзии от идеала отличаются своей ошибочностью. Ученые сами формулируют законы иерархии, исходя из логики и диалектики развития существующих систем ценностей. Как известно, базовым признаком научного знания является его системность. А главным признаком самой системности – иерархия. В теории иерархии берущей свое начало ещё с идей Платона и Дионисия Ареопагита, можно выделить два закона – общий и частный.

Общий закон иерархии гласит, что элита самоорганизуется везде, где возникает системы (организации) в которых выстраивается вертикаль командных (управленческих) отношений. *Частный закон иерархии* утверждает, что достигший вершины власти начальствующая персона сама отстраивает свою вертикаль, расставляя на важные (ключевые) посты свои кадры и несет, поэтому персональную ответственность за эффективное функционирование всей вверенной ему системы. [17, с.67] В научной среде элитизация происходит по общим законам, а вот в каждом отдельном случае важную роль играет качество конкретной личности.

Научные элиты представляют собой те силы, которые оказываются включенными в систему иерархии научного знания. При этом количество информации не есть признак элитности её обладателя. Здесь срабатывает принцип Гераклита, который еще в своём VI в. до н.э. утверждал, что: «многознание уму не научает» (*Диоген Лаэртский, IX, 1*), иначе самый болтливый считался бы наимудрейшим. Именно качество знания и делает его ценным. Знание становится не просто повелительной силой (Ф. Бэкон), а вытесняет из иерархии ценностей все материальные ценности, объявляя их вторичными. Знания (Истина) становится дороже золота и алмазов. И современные политики и олигархи не променяют все золото мира на стратегически важную для них информацию, которая сможет обеспечить их необходимым количеством золота и брильянтов.

С точки зрения синергетики научная элита просто обязана была возникнуть на пике иерархии научного знания. Научные ценности выстраивают свою иерархическую систему, где главную роль играют элитные Идеи. Как система, Идея состоит из Истины и её информационного сопровождения, обеспечивающее её дальнейшее конструктивное развитие и формирующее управленческий импульс. Ученый это тот, кто профессионально разбирается в этой системе ценностей, а субъект научной элиты является тот, кто сам руководит процессом ее развития. Таким образом, к научной элите относятся те, кто создают элитные научные Идеи.

Иерархия знаний устанавливается в результате победы в борьбе за приоритет научных открытий. Повторы уже не столь впечатляющи. Важным является именно первенство. Быть первым значит победить. Но самое главное – научные ценности это уже и есть ценности Идеи как утвердившейся в иерархии знаний Истины.

Элитное образование и элитная культура. Тема научной элиты напрямую связана с такими проблемами, как элитное образование и элитная культура. Есть элитное образование, которое обслуживает уже существующую элиту (привилегированные закрытые частные школы, престижные университеты), а есть элитное образование, которое производит саму новую элиту. В нашем случае речь идет о последнем, о том инкубаторе, где растет и зреет научная элита. [13] Элитное образование то, которое нацелено на производство новой научной элиты, а не на воспроизводства уже существующего социального элитного кластера.

Вокруг элитного/элитарного образования существует множество предубеждений и заблуждений. Поэтому вкратце проясним эту ситуацию. Прежде всего, престижное образование вовсе не является синонимом понятия элит-

ного. Элитное же всегда подразумевает высококачественную подготовку и возможность свободного саморазвития. Только так субъект научной элиты может стать самодостаточной величиной. Элитным может считаться и захудалый колледж, если в нём дают качественное образование, если из его стен выходят действительно ученые, а не чиновники и коммерсанты с заурядными знаниями, но с большими банковскими счетами и неограниченными амбициями. Сама среда обитания научной элиты отвечает высоким стандартам передовых технологий (научные центры, лаборатории, технопарки и т.д.). Без такой специальной организованной среды элите в науке нельзя будет ни возникнуть, ни нормально функционировать [16]

Многочисленные рейтинги и индексы («IF», H-index, g-index), выявляющие престиж ученых и научных организаций, это тоже иерархические системы оценки ценности, поэтапно фиксирующие происходящую селекцию научной элиты. Но все они носят формальный, а тому легко фальсифицируемый характер. Ими можно легко манипулировать, объявляя ценностями нужные вам качества, обесценивая тем самым других и возвеличивая себя.

Существующие рейтинги качества образования пытаются выявить преимущественно формальные признаки элитности (лучших вузов и ученых мира). Они по количественным показателям пытаются нас убедить в том, что тот, кто больше всех имеет, тот и является самым лучшим, самым главным и известным в научном сообществе. Британская компания QS Quacquarelli Symonds является ведущим международным поставщиком такой аналитической информации по высшему образованию и трудоустройству. Но её деятельность распространяется всего лишь на 50 стран и около 2 тысяч ведущих вузов мира (только те, которые предлагают все уровни образования: бакалавриат, магистратуру и докторантуру) и 12 тысяч работодателей. Ею выделяют шесть основных критериев оценки вуза: репутация в академической среде, цитируемость публикаций сотрудников вуза, соотношение числа преподавателей и студентов, отношение работодателей к выпускникам, а также относительная численность иностранных преподавателей и студентов.

Однако, элитность учебного заведения измеряется не привлеченными финансовыми средствами (хотя это тоже очень важный показатель) и не стоимостью обучения, а конечным продуктом – выпуском высококачественных специалистов, становящихся лидерами в своей профессиональной сфере деятельности. Но самое главное, рейтинг и репутация университета должны напрямую зависеть от качества функционирующей в ее стенах научной элиты. Причем речь не идет о «покупке» брендовых ученых («легионеров»), а о работе непосредственно самих местных научных школ, имеющих полный цикл научного производства и свои научные традиции.

Не последнюю роль в процессе элитизации личности играют культурные элитные ценности. Поэтому не удивительно, что элитология образования добавляется и продолжается в элитологии культуры. В самой элитологии культуры различаются такие понятия как «*элитарная культура*» (культурные ценности, потребляемые элитными слоями общества) и «*элитная культура*» (высочайшие произведения культуры, носящие всемирное значение). В первом случае мы видим потребление уже существующие культурные ценности, во втором – культуру производства новых ценностей. Первые отличаются от всего прочего своей неоправданно высокой ценой и накачкой PR; вторые – творческой эксклюзивностью и высоким уровнем IQ. Современная «элитарная культура» является вычурной инсталляцией свободы блудливого художественного духа. Она фактически становится разновидностью массовой культуры, ее китчем.

Если массовая культура есть удовлетворение сиюминутных культурных потребностей, то элитная служит вечности (русский живописец Васнецов, говорил, что хотел бы, чтобы его искусство было свечой, зажженной перед ли-

ком Божиим). Массовая культура отличается от элитной тем, что в ней культурная масса стремится к нулю, к тому самому упрощению, который становится понятен и доступен всем. Если научная элита есть продукт соответствующей элитной образовательной системы, то такому элитному образованию необходимо опираться на достижения именно элитной культуры. Научная среда – самая благоприятная для развития подобной культуры. Таким образом, именно соответствующая культура, образование и профессиональная деятельность приводят к возникновению в науке элиты, являющейся носителем суммы этих высоких начал.

Футурология: меритократия и анархия. Как уже отмечалось нами в настоящее время научная элита начинает играть все более заметную роль в жизни общества. Ученых уже не сжигают на кострах как в средние века, а награждают престижными научными премиями. Но этот престиж порой дорогого стоит.

О будущем человечества можно судить не по его политической элите (которая мало изменилась со времен Платона и Аристотеля), а именно по научной (которая, напротив, стремительно изменяется и меняет весь мир на наших глазах). Причем эти изменения происходят независимо от политической элиты, что указывает на самостоятельный характер ее генезиса. Научная и политическая элиты соотносятся как нужное и важное: научная элита – самая нужная, политическая элита – самая важная.

В чем выражается необходимость научной элиты? Для нас научная элита есть прообраз торжества грядущей меритократии. Меритократическая перспектива делает научную элиту самой востребованной из всего списка профессиональных элит. Меритократический мир – это практика, основанная исключительно на принципах науки; абсолютная власть науки и ученых. Более того, ни одна политическая элита не заслуживает большего внимания, чем культурная или научная элита. Последняя славна в своём профессиональном достоинстве (в творчестве), в то время как первая – в своём родовом грехе (в насилии).

Меритократия – это будущее состояние научной элиты. Всё то, что ныне делает научная элита, она свершает во славу своего меритократического будущего. Каким оно это их будущее? Это не только царство научных Идей, это ещё радикальное и фундаментальное изменение самой политической системы. Современная политическая система стоит на страже олигархических интересов. Меритократия эти ценности чужды. Духовно меритократия близка, как это не покажется парадоксально, анархическим принципам, ибо свобода становится ключевым требованием этой реальности. Особенно свобода духа (Н.А. Бердяев). Такой либеральной анархизм основан на базе меритократии может исправить те искажения, которыми ныне страдает под грузом олигархического давления демократия. Меритократия – это торжество творческого начала, отодвинувшего политические ценности на вторичные позиции. Именно поэтому меритократия свободна от политического детерминизма. Зависимость науки от политики заключалась в том, что последняя финансировала деятельность первой. Но современная наука уже учится сама зарабатывать средства, что делает её менее зависимой от воли и прихоти власти. И наступит то время, когда уже сама наука будет финансировать политику.

Таким образом, мы склонны оценивать научную элиту в качестве прообраза будущей меритократии и самый позитивный прогноз отдает власть именно этой группе интеллектуалов. Через меритократию государственная власть будет доведена до такого своего минимального положения, которое в дальнейшем сама собою трансформируется в анархическое состояние. Анархия это такой миропорядок, когда свобода становится осознанной необходимостью; это не просто свобода от государственной власти, но и утверждение добровольной власти ответственности за свою свободу. В этом плане

меритократия является могильщиком государства и повивальной бабкой анархического общества будущего.

Само понятие свободы уже подразумевает глубокое понимание безвластного состояния человека, который сам полностью контролирует свою частную и общественную жизнь. Но такая свобода может быть только свободой личности в реализации им своего творческого богатства. Именно персоналистический подход становится исключительным критерием в оценке качества и понимании сущности элиты новейшего времени. При этом в самой элите на первое место выходят не статустно-формальные её основания, а творческая активность личности (элитность её духа). В элитологических исследованиях уже намечилось смещение акцента изучения элиты – с её формальных на персональные качества.

* * *

Существующие ныне иерархии и системы политических элит основаны на многократно проверенных ими принципах индустриального общества. Но ценности эпохи «восстания масс» отличаются от ценностей эпохи «восстания элит» и в их профессиональной деятельности намечается заметная перестройка. Очевидно, что наступает закат исторической доминации политических элит и рассвет новой исторической доминации – научной элиты. Меритократия – это новые принцип иерархии, построенные на базе открытой конкуренции качественного знания. И роль личного творческого начала здесь необычайно велик. Именно творчество становится главным критерием определяющим идентичность элиты. Творчество должно служить и оправданием всей нашей жизни. Понятно, что научная элита состоит из тех лиц, которые такое оправдание не только нашли, но и полностью его реализовали. По ней можно измерять степень талантливости нации и каждого нового поколения людей. Научная элита становится главным достоянием человечества, его совестью, умом и путеводной звездой...

Список литературы

1. Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. 2nd ed. N.-Y.: Basic Books, 1976. – 507p.
2. Gore gets a cold shoulder .14.10.2007. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.smh.com.au/articles/2007/10/13/1191696238792.html>- Загл. с экрана. англ.яз.
3. Karabushchenko P., Lebedeva I. Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism // European Applied Sciences. № 1, 2013, pp.232-235.
4. Lacroix J. Le sensdu dialogue, 4 éd., Neuchâtel, 1965.
5. Lasch. Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. / W. W. Norton & Company. New York – London.1995. – 276 p.
6. Mannheim K. Essays on sociology and social psychology. L., 1953.
7. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. (2-е изд. Leipzig, 1925).
8. Mosca G. The Ruling Class. (Elementi di scienza politica, 1896). N.Y.: McGraw-Hill, 1939. – 472p.
9. Ortega y Gasset Jose. La rebellion de las masas. (1930) Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente, 1975. – 384p.
10. Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916), 2 voll., Milano: Edizioni di Comunita., 1964. Vol. 2.
11. Toffler A. Future shock. N.-Y.: Random House, Curtis Brown, Ltd. 1970. – 558p.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy: 1870 – 2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames and Hudson. 1958. – 382p.

13. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО (У), 2010. — 600 с.
14. Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т.2.
15. Дамаскин Иоанн, преподобный. Точное изложение Православной веры. М.: Сибирская Благовонница, 2015. — 476с.
16. Карабущенко Н.Б. Элитизирующая образовательно-воспитательной среда // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014 № 4 (41).
17. Карабущенко П.Л. Меритократия: постиндустриальные перспективы развития современной научной элиты с.64-72 // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Т.7-8. 2011. — 230с.

References

1. Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. 2nd ed. N.-Y.: Basic Books, 1976. — 507p.
2. Gore gets a cold shoulder .14.10.2007. — [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <http://www.smh.com.au/articles/2007/10/13/1191696238792.html>— Zagl. s jekrana. angl.jaz.
3. Karabushchenko P., Lebedeva I. Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism // European Applied Sciences. № 1, 2013, pp.232-235.
4. Lacroix J. Le sensdu dialogue, 4 éd., Neuchâtel, 1965.
5. Lasch. Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. W. W. Norton & Company. New York — London.1995. — 276r.
6. Mannheim K. Essays on sociology and social psychology. L., 1953.
7. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. (2-e izd. Leipzig, 1925).
8. Mosca G. The Ruling Class. (Elementi di scienza politica, 1896). N.Y.: McGraw-Hill, 1939. — 472r.
9. Ortega y Gasset Jose. La rebellion de las masas. (1930) Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente, 1975. — 384r.
10. Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916), 2 voll., Milano: Edizioni di Comunita., 1964. Vol. 2.
11. Toffler A. Future shock. N.-Y.: Random House, Curtis Brown, Ltd. 1970. — 558r.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy: 1870 — 2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames and Hudson. 1958. — 382r.
13. Ashin G.K. Jelitologija: istorija, teorija, sovremennost': monografija. M.: MGIMO (U), 2010. — 600 s.
14. Gobbs T. Izbrannye proizvedenija. M., 1964. T.2.
15. Damaskin Ioann, prepodobnyj. Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoj very. M.: Sibirskaja Blagozvonnica, 2015. — 476s.
16. Karabushhenko N.B. Jelitizirujushhaja obrazovatel'no-vospitatel'noj sreda // Kas-pijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2014 № 4 (41).
17. Karabushhenko P.L. Meritokratija: postindustrial'nye perspektivy razvitija sovremennoj nauchnoj jelity s.64-72 // Voprosy jelitologii: filosofija, kul'tura, politika. T.7-8. 2011. — 230s.